

НОВОЕ РУССКОЕ СЛОВО

"NOVOYE RUSSKOYE SLOVO" 178-2nd Ave. New York

**КНИГА,
КОТОРАЯ ДОЛЖНА БЫТЬ В
В КАЖДОМ РУССКОМ ДОМЕ.
ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЙ
СЛОВАРЬ**

Ф. ПАВЛЕНКОВА
СЛОВАРЬ ДАЕТ ОБЪЯСНЕНИЯ 33,345
СЛОВАМ, ВОШЕДШИМ В ОБИХОД
РУССКОГО ЯЗЫКА, СОДЕРЖИТ СВЫ-
ШЕ 1,500 СТРАНИЦ ТЕКСТА, 2,487 ПО-
ЛИТИПАЖЕР, 907 ПОРТРЕТОВ
И 112 КАРТ.

Цена без
пересылки..... **\$3.50**

Novoye Russkoye Slovo
178 SECOND AVENUE NEW YORK

Чехов на американской сцене

«ВИШНЕВЫЙ САД» В ПОСТАНОВКЕ ДЖ. ФАГАНА
«THE CHERRY ORCHARD» AT THE BLOU

Леонид Андреев когда-то сказал, что в пьесах Чехова не только люди должны играть, но и предметы.

Глубокий смысл андреевского выражения я почувствовал лишь в понедельник днем на постановке «Вишневого Сада», на которой так резко обозначилась игра актеров среди бездушных предметов.

«Вишневый сад» на английском языке идет в Соединенных Штатах впервые. Когда-нибудь эта постановка английского драматурга и актера — Джамса Фагана явится знаменательной датой в истории роста литературного и драматического значения Чехова в этой стране, постепенно переходящего в искреннее и глубокое преклонение перед этим, казалось, чуть ли не самым русским из писателей.

Чеховская эпоха началась с приездом МХТ в Нью-Йорк. Многие тогда уверяли, что художественники напрасно в свой американский репертуар включили Чеховские пьесы. Они предсказывали этим пьесам провал, потому что американцы де Чехова не поймут и не оценят.

Случилось все наоборот. Американцы сразу же оценили нежную прелесть Чеховской поэзии и прониклись глубокой симпатией к его слабым героям — мечтателям.

Тут несомненно сыграла роль полная противоположность в настроениях и характерах Чеховских героев и американцев — зрителей. Но как бы то ни было, пьесы Чехова и в особенности «Вишневый Сад» имели огромный и немедленный успех здесь. Чехова стали переводить, издавать и читать, начал создаваться настоящий культ Чехова и когда в прошлом году Ева Ле Галлен поставила «Три Сестры» в своем театре, что на Вест 14 улице, никто не удивился, не дивятся уже и тому, что пьеса до сих пор остается в репертуаре театра.

Теперь пришла очередь «Вишневого Сада».

Смотреть «Вишневый Сад» по-английски русскому зрителю не так легко. Прежде всего русский зритель должен забыть, что он знает русский язык, и тогда его слух не будет резать произношение русских имен американскими актерами, он должен забыть все детали костюмов и домашней обстановки, потому что некоторые предметы бутафории, например, сапоги студента Петра Трофимова, смешат и портят впечатление. Он должен, наконец, забыть, что уже труднее, что он видел в роли Гаева — Станиславского, в роли Раневской — Книппер-Чехову, Петра Трофимова — Качалова, Епиходова — Москвина и т. д.

Все это обязательно надо забыть, потому что иначе придется делать сравнения, а это будет глубоко несправедливо.

И если русскому зрителю удастся все это забыть, то он почувствует, что пьеса смотрится с приятностью, следовательно она разыграна хорошо.

Русский зритель увидит, что Мэри Грей очень хорошо справляется с ролью легкомысленной, но милой Раневской не только потому, что она прекрасная актриса, но и потому, что Раневская — тип вовсе не исключительного русского. Он поймет также, что если Джамс Фаган в роли Гаева не достаточно убедителен, то это потому, что пятидесятилетний ребенок менее понятен для англо-саксов.

Но что несомненно бесконечно поразит русского зрителя, так это то, что Лопухин в исполнении Эдвина Максвелла вышел самым положительным типом из всех. Он прост, вежлив и отзывчив. Он указывает Раневской единственный с американской точки зрения выход из ее положения, он хочет помочь Трофимову, он покупает «Вишневый Сад» только потому, что Раневская не сумела спасти его и не видит причин, почему он должен упустить случай и дать возможность другому заработать... Непонятным только остается, в интерпретации Максвелла, почему Лопухин не женился на Варваре.

Из остальных актеров превосходно справился с ролью престарелого слуги Фирса — Эдвард Ригби, неубедителен г. Шод (Трофимов) и совсем пропала в исполнении А. Стори бессмертная роль Москвина в Епиходове.

Поставлен спектакль с трогательной любовью и нарядность добросовестно.

М. Вейнбаум.